

УДК 811.161.1'373.6:930(045)

В.Б. Егоров**ЭТНИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ РУСИ В ДОГОВОРЕ С ГРЕКАМИ 911 г.**

Договор руси с греками 911 г. исследован с разных сторон, но обойденным вниманием ученых остается языковедческий его аспект, к которому обращается настоящая статья. В ней выделены трудности с интерпретацией двух элементов перечня имен представителей руси в преамбуле договора и рассмотрено иное прочтение этого перечня с разделением его элементов на две группы. Такое разделение в совокупности с проявлениями конфессиональной двойственности руси в договоре и другими косвенными свидетельствами в его тексте и комментариях к нему летописцев дает основание предположить этнический дуализм заключившей договор руси.

Ключевые слова: азово-черноморская русь, договор руси с греками 911 г., Крымская Готия, русь и чудь.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-270-280

Договор 911 г. руси¹ с греками², включенный в статью 912 г. Повести временных лет (далее — ПВЛ) [19, с. 13–16; 17, с. 25–29, 222–226; 18, с. 75–80], подвергался исследованию с источниковедческой и юридической сторон [9; 11; 21; 1; 5]. Незаслуженно обойденная вниманием языковедческая сторона договора была лишь затронута Е. А. Мельниковой [13] в связи с частной особенностью творчества авторов ПВЛ. Вне интересов исследователей остались, в частности, язык экземпляра руси и связанный с ним вопрос этнического лица последней. Обращаясь к языковедческой стороне договора 911 г., настоящая статья рассматривает иное прочтение представленного в нем перечня имен представителей руси, которое в совокупности с другими указаниями в тексте договора и комментариях к нему авторов ПВЛ дает основание предположить этнический дуализм заключившей договор руси.

К сожалению, в явном виде договор не содержит данных ни о происхождении этой руси, ни о ее этническом составе, ни о местах обитания упоминаемого народа. Мы не можем с уверенностью сказать, на каком языке она говорила и писала этот договор, ибо экземпляр руси нам недоступен, а дошедшие до нас в ПВЛ тексты византийско-русских договоров являются переводами на церковнославянский язык копий, хранившихся в императорской канцелярии [12; 22, с. 51]. Ситуация осложняется тем, что нельзя исключить внесение непосредственно в дошедший до нас текст договора существенных правок и дополнений неким «русским справщиком» [15, с. 185]. Тем не менее, даже имеющийся в нашем распоряжении когда-то кем-то переведенный с греческого и, по всей вероятности, правленный составителями ПВЛ текст договора 911 г., возможно, способен прояснить некоторые аспекты этногенеза начальной руси.

* * *

Формально вся «языковедческая информация» в договоре 911 г. сводится к единственной фразе эсхатокола: «...договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — царя вашего и своею рукою...» [17, с. 225; 18, с. 79]. Это «написание» не избаловано вниманием историков и лингвистов. В переводе ПВЛ Д.С. Лихачева оно получило объяснение в имени якобы писавшего договор писца, и это объяснение воспроизводилось в последующих изданиях ПВЛ вплоть до последнего [18, с. 453], оставляя читателя в недоумении, что же это за «написание» и за что писец Иван удостоился личного упоминания в договоре. Между тем сам факт, что этим «написанием» были «сотворены» оба экземпляра, византийский и русский, однозначно говорит как минимум о греческом алфавите — только им мог быть написан византийский экземпляр договора. Следовательно, и в экземпляре руси использовался этот же алфавит³.

¹ Здесь и далее написание «русь» со строчной буквы подразумевает этноним в противоположность хорониму «Русь».

² Следует подчеркнуть, что договоров именно руси с греками, а не Руси с Византией. Последнее нередко можно встретить в литературе, однако в самом договоре высокой договаривающейся стороной выступает не государство Русь, а некий «род русский», что, кстати, косвенно подтверждает сомнения в существовании Киевской Руси как государства в начале X в. [22].

³ В этой связи интересно наблюдение И. Хайнман: «Если предположить, что летописец воспользовался ивритским словом י"ן (иван), что означает 'грек', то выражение ["Ивановым написанием". — В.Е.] можно прочесть как

Что же касается языка экземпляра руси, он «по умолчанию» подразумевается древнерусским или, в лучшем случае, церковнославянским. Например, учебник «История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» без обиняков постулирует: «Договор 911 г., заключённый от имени Олега и содержащий около десятка скандинавских имен олеговых бояр, написан не на шведском, а на славянском языке» [8, с. 52]. Действительно, экземпляр руси не был написан на «шведском» языке, поскольку такового в начале X в. еще не существовало. Но в любом случае, следуя букве договора, никакое умолчание не может быть принято без эксплицитной увязки с Ивановым написанием, т. е. греческой азбукой.

В итоге у нас нет прямого ответа на вопрос, на каком языке говорила и могла писать договоры русь в начале X в. За ним можно обратиться к трактату Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» [10, с. 45-51], приведенные в котором «русские» названия днепровских порогов находят самые убедительные этимологии в древнескандинавском языке⁴. Следовательно, и разговорный язык руси того времени, первой половины X в., с наибольшим вероятием следует полагать одним из восточных диалектов древнескандинавского языка. Но этот язык и его письменность, младший футарк, не использовались для составления пространственных документов, тем более юридических. Таким образом, учет всех факторов практически не оставляет выбора: «написание» здесь следует понимать широко, т. е. оба экземпляра договора были написаны не только одним алфавитом, но и на одном и том же языке, а именно среднегреческом. В свою очередь, это заключение влечет за собой необходимость наличия в ведшей переговору в Константинополе делегации руси квалифицированного переводчика, способного не только обеспечить двусторонний устный перевод в ходе переговоров, но и юридически грамотно составить документ по-гречески. К этому переводчику-юристу мы еще вернемся.

В статье ПВЛ за 907 г., описывающей предшествовавшие заключению договора 911 г. события, а именно не оставившую следов в византийской хронографии «небывалую войну между Византией и Русью в 907 г.» [15, с. 178] и последовавшие за ней переговоры о мире [22, с. 268], говорится: «Олег же... начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида...» [17, с. 220–221; 18, с. 74]. Так ПВЛ преподносит нам пятерку послов руси, но ничего не сообщает об этих Карле, Фарлафе и иже с ними. Затем в статье 912 г., непосредственно в преамбуле договора, приводится перечень имен лиц, заключивших договор «от рода русского»: Карлы, Инегельд, Фарлоф, Вельмуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид [17, с. 222; 18, с. 76]. Как нетрудно заметить, в число уполномоченных лиц входят все пять послов, упомянутых в статье 907 г., и еще десять других представителей руси, итого пятнадцать имен. Практически для всех них предложены приемлемые древнескандинавские именные прототипы, например⁵: Karl, Ingjaldr, Farulfr, Vermu(n)dr, Rollabr, Góði, Hróaldr, Karn, Friðláfr, Hróarr,⁶ Bráendr, Leidulfr, Fastr, Steinviðr. Отдельные прототипы могут вызвать сомнения, но в целом они уверенно указывают на скандинавскую «основу» заключившей договор руси⁷.

Хотя дошедший до нас в ПВЛ текст договора 911 г. является переводом с греческого, содержащиеся в нем личные имена переводу не подлежали. В оригинале документа имена послов и уполномоченных представителей руси должны были быть транскрибированы греческими буквами, а при переводе договора на церковнославянский язык транслитерированы кириллицей. И тут возникает проблема: два элемента перечня представителей руси, а именно «Карлы» и «Гуды», **не могут быть транслитерациями** греческого текста, т. к. греческая азбука не имеет средств отображения звука /i/,

«греческим письмом»» [23, глава «Торговая деятельность русов»]. Уточним: сочинял договор не летописец, он лишь включил имеющийся текст в ПВЛ; и «грек» в иврите не יִי (может читаться /ivan/), а יִיִ /ivvani/. Однако эти уточнения вряд ли снижают ценность наблюдения.

⁴ В отношении «русских» названий порогов у Константина Багрянородного автор придерживается авторитетного мнения коллектива ученых (Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин, А.А. Зализняк, Г.Г. Литаврин, М.В. Бибииков, Б.Н. Флоря), изложенного в академическом комментарии к 9 главе трактата Константина [10, с. 319-326]. См. также [6].

⁵ См.: общедоступные статьи «Русско-византийский договор (911)» Википедии и Rus'-Byzantine Treaty (911) англоязычной Wikipedia.

⁶ В англоязычной Wikipedia отсутствует прототип для Актеву, а Википедия полагает это имя финским, хотя для него тоже можно предложить хороший древнескандинавский прототип *Agifew. Это имя сохранилось в древнеанглийском языке как Esgeþow (Эггтеов в русском переводе) — так звали отца Беовульфа, героя одноименного англосаксонского эпоса. Династия Эггтеова имела готское происхождение.

⁷ На фоне этой скандинавской «основы» перечня особенно пикантно смотрится «писец Иван».

передаваемого кириллической еры («Ы»). Следовательно, буква еры в тексте ПВЛ не могла появиться как результат транслитерации византийского текста. Так одна-единственная буква (нередко дьявол кроется в деталях!) исключает интерпретацию этих двух элементов перечня как транслитерированных личных имен и ставит естественный вопрос: не могут ли быть «Карлы» и «Гуды» именами не собственными, а нарицательными, которые переводчику пришлось не транслитерировать, а перевести или заимствовать и адаптировать к церковнославянскому тексту, причем именно множественным числом, породившим конечные еры? Приглядимся к этим двум именам повнимательнее.

Общегерманское нарицательное *karl*, имевшее значения ‘мужчина’, ‘муж’, получает распространение в Западной Европе в качестве имени собственного со времен Карла Великого, т. е. не ранее VIII в.; а до Скандинавии мода на него доходит только к XII в., когда в сагах появляются первые действующие лица с именем Карл и, наконец, на шведский престол восходит Карл Сверкерссон (1161 г.). С учетом скандинавской «основы» заключавшей договор 911 г. руси представляется маловероятным, чтобы имя Карл мог иметь некий ее представитель с восточноскандинавскими корнями, родившийся наверняка еще в IX в. И в любом случае непонятно, откуда у гипотетического Карла в церковнославянском тексте взялась конечная еры.

Второй сомнительный элемент перечня имен, Гуды, казалось бы, имеет хорошую древнескандинавскую этимологию *góði*. Но это слово, означающее разного рода священнослужителей, известно в основном на западе Скандинавии и в Исландии, в восточной Скандинавии оно не использовалось. А использование этой лексемы в качестве личного имени в средние века вообще не известно. Наконец, та же проблема с конечной еры: *Góði* должно было бы транскрибироваться по-гречески как *Гóди* или *Гоóди* и затем транслитерироваться в церковнославянский текст в виде «Годи» или «Г(о)уди», но не «Гуды».

Как мельком (в сноске) заметил А.Л. Никитин [15, с. 182], «чешский филолог Я.К. Эрбен предложил открывающую этот перечень [представителей руси в преамбуле договора. – В.Е.] лексему “карл/карлы” считать не личным именем, а шведским (др.-германским) существительным мн. числа *karli*, т. е. ‘мужи’ [25], что, возможно, имеет смысл». Однако *karli* не объясняет конечную еры церковнославянского текста, к тому же в древнескандинавском языке у слова *karl* невозможна форма якобы множественного числа *karli*. Чтобы «иметь смысл», осторожно подхваченная Никитиным замечательная догадка Эрбена о возможности понимания заглавного элемента в перечне представителей руси как имени не собственного, а нарицательного требует иного объяснения. А главное, обоснования его появления перед перечнем имен.

Если первый элемент перечня — имя не собственное, а нарицательное, то по смыслу он мог бы выполнять функцию некоего заголовка группы. В этой функции он, в отличие от последующих элементов именного перечня, т. е. действительно личных имен, имеет право грамматически стоять во множественном числе. В пользу такого понимания элемента «Карлы» говорит тот факт, к сожалению, ускользнувший от внимания Эрбена, что такого рода элемент в рассматриваемом перечне не единственный. В нем имеется еще одно сомнительное «имя», тоже представленное формой множественного числа и тоже допускающее трактовку как заголовка группы — наше «Гуды». Выше была отмечена неуместность его этимологизации через древнескандинавское *góði*, но для этого имеется более практичная альтернатива — готское слово *guta*, что собственно по-готски и означает ‘гот’ [28]. В отношении фонетического облика «гуды» церковнославянского текста полезно его сопоставление с близким по звучанию литовским *gudas* (мн. ч. *gudai*), изначально исторически как раз имевшим значение ‘гот’.

Второй заголовок, который представлен, как и первый, заимствованным термином и в той же самой грамматической форме, не только подтверждает понимание первого в этом же качестве, но и придает смысл их появлению в перечне имен, т. к. в паре они разделяют имена на две группы по этнической принадлежности. Согласно этому предположению в преамбуле договора 911 г. следовало бы читать: «карлы [т. е. мужи. – В.Е.]: Инегельд, Фарлоф, Вельмуд, Рулав; гуды [т. е. готы. – В.Е.]: Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид». Заметим, такое прочтение именного перечня фактически предполагает, что в среде руси термин «мужи» был принят в качестве названия входящих в ее состав скандинавов с очевидным их противопоставлением готам.

Поразительно, но эту конъектуру мы практически «в готовом виде» находим в Ипатьевской летописи: «**Мы ѿ рода Рускаго. Карлы Инегелдь. Фарлофъ. Веремудъ. Рулавъ. Гуды Руалдъ. Карнь. Фрелавъ. Рюаръ. Актеву. Труанъ. Лидульфость. Стемиръ**» [20, л. 13]. Здесь элементы именного перечня разделены точками, которые в современных переводах ПВЛ превратились в запятые, но в двух случаях, и как раз именно в случае «Карлы» и «Гуды» (!), точки отсутствуют, из-за

чего переводчикам пришлось добавить запятые вместо «потерявшихся», по их мнению, точек⁸. Однако, учитывая сомнительность трактовки элементов «Карлы» и «Гуды» в качестве личных имен, можно допустить, что точек после них не было в оригинале текста. (Как, разумеется, не могло быть и двоеточий, поскольку ни среднегреческий, ни церковнославянский двоеточие в его нынешней функции не использовали.) Если «Карлы» и «Гуды» действительно являются заголовками двух групп имен, то, вероятно, в исходном тексте они были выделены каким-то особым образом, который исключал знаки препинания, например отдельными абзацами. Такого рода выделение, чуждое летописям, должно было естественным образом исчезнуть при перенесении текста договора в ПВЛ.

* * *

Конечно, пара точек могла потеряться в процессе многократных копирований текста, и даже случайно именно после «Карлы» и «Гуды», однако предположению о разделении уполномоченных лиц руси на две этнические группы можно найти другие подтверждения в самом договоре и комментарии к нему авторов ПВЛ.

При предлагаемом разбиении перечня на две группы получает объяснение различие наборов имен послов в статье 907 г. и уполномоченных лиц в статье 912 г. Собственно послами, ведшими, согласно статье 907 г., переговоры в Константинополе, выступали только «мужи»-скандинавы: «Олег же начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу карлов [т. е. «мужей». Конъектура моя. – В.Е.] Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида...» [17, с. 220–221]. И эти скандинавские «мужи», не считая гота Стемида, о котором отдельный разговор впереди, точно соответствуют комментарию авторов ПВЛ в статье 912 г.: «Послал Олег мужей [т. е. карлов. Подчеркнуто мною. – В.Е.] своих заключить мир и установить договор между греками и русскими...» [17, с. 222; 18, с. 75]. Попутно нельзя не обратить внимание на разительную схожесть состоящего из «мужей»-скандинавов посольства Олега 907 г. с аналогичным посольством «кагана народа Рос» 838 г. в тот же Константинополь, оказавшимся годом позже в Ингельгейме, где, согласно Бертинским анналам, послы руси были следователями Людовика I Благочестивого тоже признаны скандинавами (свеонами). Трудно поверить в случайность таких совпадений.

Две выделенные в списке уполномоченных лиц этнические группы неравноправны. «Мужи»-скандинавы привилегированны: послы из числа этих «мужей» вели переговоры в Константинополе, а их имена возглавляют перечень представителей «рода русского» впереди гóтов. Готы же, чьи имена стоят в перечне представителей руси позади скандинавов, вообще не были допущены к переговорам. Исключением оказывается Стемид, что заставляет уделить ему особое внимание.

Стемид — единственный гот, включенный, казалось бы, в нарушение системы, в посольство скандинавских «мужей», хотя не только в группе послов, но даже в группе представителей-гóтов его имя стоит последним. Но именно из-за участия в обоих перечнях, и везде на последних ролях, А.Н. Сахаров справедливо признал Стемида либо секретарем, либо переводчиком русского посольства [21, с. 161]. К этому еще можно добавить разумное предположение, что Стемид, будучи тем самым и необходимым в переговорах переводчиком-синхронистом, и секретарем посольства, в конечном счете оказался и юристом, автором текста русского экземпляра договора. Включение в посольство в качестве переводчика и секретаря-правоведа этого гота, вероятно не слишком родовитого и потому оттесняемого в самый конец обоих именных перечней, обуславливалось владением греческим языком (Ивановым написанием) и юридическими познаниями, необходимыми для составления документов. Такое владение выглядит естественным, например, для духовных лиц в среде крымских гóтов, несколько веков обитавших рядом и в тесном контакте с греками и давно принявших византийское православие⁹. Поэтому не родовитый скандинавский «муж», может быть, вообще неграмотный, а пусть безродный, но зато достаточно образованный крымский гот оказался в «многонациональной» среде руси лицом, способным справиться с работой переводчика и секретаря, благодаря чему был включен как в состав

⁸ В Лаврентьевской летописи тоже имеется отсутствующая точка, но только одна после «Гуды»: «**Мы ѿ рода Рѣуѣка^г. Карлы. Инегелдь. Фарло^в. Веремоу^д. Рѣлавъ. Гоуды Роуал^д. Карнь. Фрелавъ. Рѣаль. Актевъ. Трвань. Лидоу^т Фостъ. Стеми^т**» [22, с. 278].

⁹ Однако в начале X в. Крым был под властью Хазарского каганата, а русь Поволжья находилась под культурным влиянием Хазарии еще с IX в. [22], чем, возможно, объясняется бытование в среде руси ивритского термина «Иваново написание» для греческого алфавита.

делегации для переговоров в Константинополе, так и в число уполномоченных для заключения договора лиц.

Также отдельного замечания достоин и «муж» Ингельд. Самый первый, с учетом предложенной здесь конъектуры, в перечне представителей руси скандинав, он не был участником константинопольского посольства. Напрашивающееся объяснение этого — высокий статус и, возможно, почтенный возраст этого «мужа», что позволяет видеть в нем либо самого верховного правителя руси, инициировавшего этот договор и представленного в ПВЛ под именем Олега, либо его полномочного представителя. Любопытно и, может быть, симптоматично, что в имени этого высокородного «мужа» первый компонент «инг-» идентичен первому компоненту имени следующего, по версии ПВЛ, после Олега властителя Руси Игоря (Ингвара), а второй «-ельд» — второму компоненту имени Свенельда, бессменного воеводы Игоря и его преемников.

Еще одним веским аргументом в пользу этнического дуализма заключившей договор 911 г. руси служит проявление ее конфессиональной двойственности в эсхатоколе договора: «В удостоверение и неизменность, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили..., скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы...» [17, с. 225; 18, с. 79-80]. Прочитанный пункт договора явно написан русской стороной, и эта сторона противопоставлена византийской, «христианам», из чего следует, что русь — «не христиане» — еще пребывает в язычестве. Но при этом, **клянясь по своим вере и обычаю**, эта русь **скрепляет клятву крестом и единосущной Троицей**, признает единственность и истинность христианского бога, а также божественность византийских императоров. Такая удивительная на первый взгляд конфессиональная противоречивость находит объяснение как раз в этническом дуализме руси. Ее послы — ведущие переговоры в Константинополе «мужи»-скандинавы — еще оставались язычниками и, соответственно, давали клятву «по своим вере и обычаю». При оформлении договора секретарь посольства Стемид добросовестно отразил сей факт, однако, будучи сам образованным православным христианином, использовал привычный для него христианский лексикон и принятый в документах византийский письменный этикет, что также подтверждается проставленной в том же эсхатоколе датой по византийскому индиктовому календарю.

Таким образом, предложенное здесь прочтение перечня представителей руси в преамбуле договора 911 г. дает основания предположить, что этнически заключившая договор русь представляла собой альянс скандинавов и гóтов при очевидном доминировании первых. На момент заключения договора эти две составляющие альянса уже выступали под общим именем «русь», но еще были заметно обособлены, и это обособление нашло отражение в договоре. При этом в среде самой руси для ее скандинавской составляющей мог прижиться термин «мужи», тем более что общегерманская лексема *karl* отсутствовала в готском языке [28] и готская составляющая альянса вполне могла усвоить этот чуждый ей термин в качестве этнического идентификатора скандинавов.

Может быть, предполагаемый альянс скандинавов и гóтов, уже утерявший изначальный смысл для авторов ПВЛ, все же нашел в последней «реликтовое» отражение привилегированным положением «руси» и «чуди» с лидерством первой: «В странах же Иафета сидят русь, чудь и всякие народы:...» [17, с. 10 и 206] с персональным выделением руси и чуди перед дальнейшим перечислением прочих «всяких народов». Связь изначальных значений лексем «русь» и «чудь» соответственно со скандинавами и гóтами (при этом русь всегда впереди чуди, как и в перечне уполномоченных в договоре 911 г.!) находит объяснение непосредственно в их широко известных этимологиях: «руси» из древнескандинавского **róþr* — ‘гребля’¹⁰, а «чуди» из готского *þiuda* — ‘народ’. В частности, эту мысль развивал А.Л. Никитин: «На источник такой эпонимической легенды [о призвании Рюрика – В.Е.] косвенным образом указывает лексема “чюдь”, в данном случае обозначающая не “эстов” или “заволоцкую чюдь”, а восходящая к первоначальному готскому *þiuda* — ‘народ’... Однако первоначальные эпонимы оказались забыты, а сама легенда приспособлена к условиям Новгорода на Волхове...» [15, с. 149]. По

¹⁰ Об этимологии руси из древнескандинавского **róþr* см. [10, с. 297-300]. Здесь же, возвращаясь к скандинавским «мужам» договора, уместно упомянуть *gǫþskarlar* рунических надписей в значении «гребцы», а дословно «гребные мужи».

прихоти истории впоследствии, со смещением центров активности руси в Поднепровье и Поволховье, сопровождавшимся ее славянизацией, обе лексемы поменяли свои значения: «русь» стала обозначать приднепровских славян, а «чудь» — прибалтийских финнов. Однако невозможно игнорировать тот факт, что никакие славяне исконно не назвались русью (в ПВЛ поляне лишь «прозвались» русью) и никакие финские племена сами себя никогда не называли чудью.

* * *

Предполагаемый альянс скандинавских «мужей» с готским «народом» как этап этногенеза начальной руси выводит нас на т. н. азово-черноморскую русь и тем самым в область предположений и догадок.

В IX в., на ранних этапах формирования начальной руси, норманнов можно было встретить на побережье многих стран Европы от Исландии до Испании. Иной была ситуация с готами. Помимо островов Готланд и Борнхольм на Балтийском море единственным местом, где в то время можно было отыскать живых гóтов, оставался Крым. Трудно представить, чтобы договор с Византией заключали обитатели восточной Скандинавии вкупе с жителями соседних островов Балтики, тем более что в начале X в. в гипотетическом альянсе свеев Упланда и гóтов Готланда последние вряд ли оказались бы на вторых ролях. Островные готландцы в то время были гораздо более активными в торговле и международных отношениях по сравнению с континентальными свеями. И, разумеется, никакого Иванова написания, вообще никакой письменности кроме футарка ни у тех, ни у других в начале X в. не было. Так предполагаемая готская составляющая заключившей договор 911 г. руси указывает на Крым как наиболее вероятное место ее обитания.

Готы появились в Крыму в эпоху Великого переселения народов и сумели создать там некое государственное образование — т. н. Крымскую Готию. Считается, что последние следы крымских гóтов теряются где-то в IX в., с этого времени они не упоминаются и становятся археологически неуловимы. Вероятно, после поражения антихазарского восстания 787 г. готы потеряли свою этническую идентичность и, полностью ассимилировавшись во всех бытовых и хозяйственных аспектах, стали неотличимы от прочего населения Крыма. Но имеются свидетельства долгого сохранения в Крыму какого-то германского языка. Одно нам оставил посетивший Крым в XIII в. монах Гильом из Рубрука [3, с. 90], другое — посланник Священной Римской империи в империи Османской Ожье де Бусбек, который в XVI в. в Стамбуле услышал у заезжих жителей Крыма и записал отдельные слова и фразы еще живого в то время «готского» языка, хотя этот язык уже сильно отличался от «классического» готского Ульфилы. Сопоставляя три факта: сохранение в Крыму какого-то германского языка как минимум до XIII в., нарративное и археологическое исчезновение крымских гóтов в IX в. и появление в тех же краях примерно в это же время нового этноса «русь», — можно предположить, что в IX в. крымские готы, еще сохранявшие свой язык, но уже утеревшие прочие признаки, идентифицирующие их как гóтов и отличающие от остальных обитателей Крыма, оказались субстратом нового причерноморского этноса, суперстратом и катализатором которого выступили добравшиеся до Крыма скандинавы. Новый гибридный этнос заместил свой субстрат, вследствие чего исчезли упоминания о крымских готах, а в Северном Причерноморье появился новый германоязычный народ русь.

Мы не знаем, когда и как скандинавы добрались до Черного моря. Но, оказавшись в Крыму, они там встретили народ, внешне ничем не отличавшийся от соседей, но, **говоривший на понятном скандинавам языке**. Этот удивительный феномен обязан был породить некое новое качество. В Крыму скандинавам представилась уникальная возможность быстро и эффективно наладить контакт с местным населением и инкорпорироваться в местную этнокультурную среду.

С другой стороны, остатки готского народа после покорения Крыма Хазарским каганатом и неудачи антихазарского восстания владели жалкое существование, теряя свою идентичность и не имея перспектив. И вдруг эти малочисленные хиреющие остатки большого народа, некогда вершившего историю Европы, неожиданно обрели возможность радикально изменить свое существование благодаря нагрянувшим «пассионарным», выражаясь языком Л.Н. Гумилева, родственникам. Поэтому в данном случае речь могла идти не столько о покорении гóтов скандинавами, сколько о некоем исключительном симбиозе пришельцев-мореходов («гребцов» руси) с аборигенами-готами («народом» чудью), в котором каждый компонент в чем-то дополнял другого и что-то выигрывал для себя. Вследствие тесного слияния обоих компонентов внешне русь не отличалась от жителей Северного Причерноморья.

Норманны всюду проявляли высокую адаптивность к местным условиям, но в Крыму адаптация дополнительно ускорила благодаря слиянию с родственным готским компонентом¹¹.

Византийцы не отождествляли новый народ с готами, которых греки вообще предпочитали именовать тетракситами или трапезитами. Так готы, и прежде не игравшие в жизни империи сколько-нибудь заметной роли, окончательно сошли с исторической сцены. С IX в. в непосредственном общении византийская администрация имела дело, как мы видим в свидетельствах 839 г. (Бертинские анналы) и 907 г. (ПВЛ), со скандинавской элитой нового этноса, по которой византийцы и судили обо всем народе. По их первому впечатлению, выраженному патриархом Фотием в двух гомилиях «На шествие росов» 860 г., напавшие представлялись «страшной гиперборейской грозой», «народом с севера... от краев земли», отделенным «странами и народоначальствами, сухоходными реками и беспристаничными морями». Однако всего через семь лет, как засвидетельствовал тот же Фотий в «Окружном послании к восточным архиерейским престолом», этот прежде отдаленный гиперборейский народ уже оказался обитателем греческой ойкумены и даже обзавелся епископией.

В первой половине X в. ал-Мас'уди помещает русь «на одном из берегов» Азовского моря (которое он считает заливом моря Нитс, т. е. Черного моря) и называет его «морем руси», по которому никто не плавает кроме нее [2]. Согласно «Кембриджскому документу» [4, с. 132], в конце 30-х годов X в. русь совершает внезапный налет на город С-м-к-р-ц в Керченском проливе. Последующее нападение руси на малоазийское побережье Византии 941 г. внезапным не получилось, т. к. о приближении флота руси византийцев предупредили сначала херсонцы, потом болгары, из чего можно заключить, что флот руси последовательно плыл вдоль берегов Крыма и Болгарии, а исходной точкой кампании был все тот же Керченский пролив. Туда же, к «Киммерийскому Босфору», по словам Льва Диакона, вложенным им в уста императора Цимисхия, бежал Игорь «вестником своей беды» с остатками сожженного «греческим огнем» флота. Туда же, причем туда же «домой», отправил Цимисхий побежденного Святослава, которого Лев Диакон называет «катархонтом тавроскифов». Хотя греки именовали скифами всех варваров, обитавших в Северном Причерноморье («Великой Скифии»), Диакон называет русь не просто скифами, а тавроскифами — с прямым указанием на их обитание в Таврии. Наконец, договор руси с греками 944 г. обязывал русь защищать Херсон от черных болгар, что физически возможно только в том случае, если владения руси находились между теми и другими, т. е. опять-таки в Крыму.

Таким образом, документально удостоверенная вне рамок ПВЛ активность руси в Причерноморье во второй половине IX и первой половине X вв. замыкалась исключительно на Крым, пока Святослав не распространил ее на Дунай¹² и Болгарию. В этой связи разумно допустить и экспансию именно азово-черноморской руси в Среднее Поднепровье. Такое допущение косвенно подкрепляется появлением к середине X в. в Киеве торговой фактории руси, описанной Константином Багрянородным в девятой главе «Об управлении империей», причем у этой фактории торговая активность была ориентирована исключительно на Черное море и Византию.

Возможно, именно с таврической «пропиской» руси связаны эпитеты «дикая», «жестокая», «кроважая» и т. п., которыми характеризуют русь византийские авторы: «всех оставляющий позади в жестокости и кроважидности», «скифский народ, дикий и грубый», «народ, как все знают, жесточайший и суровый». Вряд ли русь сильно отличалась кроважидностью и жестокостью от извечных северных соседей Византии, кочевников «Великой Скифии». Скорее некую особую свирепость греки приписывали руси по инерции считать именно варварских обитателей берегов Тавриды особо опасными жаждущими крови дикарями. В греческой традиции такими без жалости и без разбору убивающими всех приставших к их берегам чужаков предстают древние обитатели Крыма тавры. И по исторической преемственности — тавроскифы-русь.

Говоря о «кроважидной» таврической руси, нельзя пройти мимо еще одной аналогичной традиции, на сей раз арабской, о трех составных частях Руси, из коих в одной, а именно Арсании, не удалось побывать ни одному чужестранцу, так как местные жители убивали всех пришельцев [16, с. 355-419]. Если допустить, что арабская традиция — это отражение греческой о таврах и крымской руси, то тогда

¹¹ Примером может служить «словесный портрет» Святослава у Льва Диакона — портрет никак не скандинава, а, скорее, обитателя Северного Причерноморья.

¹² Торговый путь по Дунаю и Рейну лазутчики руси разведали еще в 838–839 гг., совершив путешествие с посольством Феофила к Людовику от Константинополя до Ингельгейма.

таинственная Арсания сопоставляется с Крымом, который, возможно, у арабских авторов впоследствии получил также название «Острова руси» [7, с. 34]. Этот «остров» размером в три дня пути был покрыт лесами и болотами, что не противоречит размерам и ландшафтам Крыма с лесами его гористой части и «Гнилым морем» Сивашем.

«Баварский географ» [27] в перечислении племен и народов Восточной Европы конца первой половины IX в. назвал русь (Ruzzi) непосредственно вслед за хазарами (Caziri), вероятно, тем самым отражая их географическое соседство. Но в то время одним из вероятных мест тесного, в прямом смысле бок о бок, соседства руси с хазарами как раз мог быть Крым. В любом случае речь не могла идти о Киевской Руси, которая, если верить объективным данным археологии [14; 24; 26; 29], во время написания «Географа» еще не существовала, а непосредственных контактов с хазарами не имела как минимум до середины X в. [22, с. 197-199].

* * *

Предлагаемое в статье прочтение перечня имен представителей руси в преамбуле договора 911 г. в совокупности с удивительной конфессиональной двойственностью руси в его эсхатоколе и другими косвенными свидетельствами в комментариях к договору авторов ПВЛ дает основания предполагать, что предприимчивые скандинавы (викинги, варяги) в начале IX в. достигли Крыма и образовали там уникальный симбиотический альянс с местными готами, который положил начало азово-черноморской, а затем, весьма вероятно, и приднепровской руси. В этом предполагаемом альянсе готский субстрат позволил новому этносу быстро укорениться в Причерноморье, а скандинавский суперстрат, лидирующий и привилегированный, придал ему «пассионарность», благодаря которой тот посмел поднять руку на самую Византийскую империю и смог дать свое имя одному из крупнейших государств средневековой Европы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибиков М.В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 5-15.
2. Галкина Е.С. Морские походы русов и образ ойкумены в трудах ал-Мас'уди // Вестник РУДН. История России. 2011. № 3. С. 101-109.
3. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Пер. А.И. Маленина. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. 195 с.
4. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Науч. ред. и коммент. В.Я. Петрухина; пер. с англ. В.Л. Вихновича. Мосты культуры, 2003. С. 128-149.
5. Горячев В.А. Великокняжеская власть в договорах русских с греками X века // Имперское возрождение. 2008. № 6 (20). С. 54-62.
6. Егоров В.Б. О роли переводчика в названии днепровских порогов у Константина Багрянородного // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2023. Т. 33, вып. 6. С. 1227-1233.
7. Ибн Руста. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах. Пер. Д.А. Хвольсона. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1869. 200 с.
8. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. Б.А. Рыбакова. Изд. 2. М.: Высшая школа, 1983. 415 с.
9. Истрин В.А. Договоры русских с греками X века // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1924. Т. XXIX. С. 383-393.
10. Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий). Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Изд. 2. М.: Наука, 1991. 496 с.
11. Левченко М.В. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. // Византийский Временник. 1952. Т. V (30). С. 105-126.
12. Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. (Пер. с нем. Д. А. Коробейникова) // Византийский временник. 1997. Т. 57 (82). С. 58-87.
13. Мельникова Е.А. Несколько замечаний о языке «сказания о призвании варягов» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1. С. 83-87.
14. Мюле Э. К вопросу о начале Киева // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 118-127.
15. Никитин А.Л. Основания русской истории. «Повесть временных лет» как исторический источник. М.: Аграф, 2001. 768 с.

16. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. 476 с.
17. Повесть временных лет. Ч. I. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С. Лихачева, перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 405 с.
18. Повесть временных лет. Откуда есть пошла Русская земля. Сост., примеч. и ук. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. Институт русской цивилизации. Родная страна, 2014. 544 с.
19. ПСРЛ. Т. 1. Из-во Археографической комиссии, 1846. 269 с.
20. ПСРЛ. Т. 2. Из-во Археографической комиссии, 1908. 638 с.
21. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. Мысль, 1980. 358 с.
22. Толочко А.П. Очерки начальной руси. Laugus, 2015. 336 с.
23. Хайнман И. Еврейская диаспора и Русь. Иерусалим, 1983. 92 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003142104> (дата обращения: 9.01.2024); URL: <https://amkob113.ru/irma/irm-7.html> (дата обращения: 9.01.2024).
24. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 5577.
25. Эрбен Я.К. Объяснение и исправление некоторых темных и испорченных мест древнейшей русской летописи // Зап. Имп. АН. Т. XVI, кн. II., 1870. С. 117–130.
26. Callmer J. The Archaeology of Kiev to the End of the Earliest Urban Phase // Harvard Ukrainian Studies. 1987. No 11. P. 323–364.
27. Geographus Bavarus. Text der Handschrift // URL: <http://www.idrisi.narod.ru/geo-bavar.htm> (дата обращения: 9.01.2024).
28. Köbler G. Gotisches Wörterbuch (4. Auflage), 2014. URL: <https://www.koeblergerhard.de/gotwbhin.html> (дата обращения: 9.01.2024).
29. Mezentzew W. The Emergence of the Podil and the Genesis of the City of Kiev: Problems of Dating // Harvard Ukrainian Studies. 1986. No 10. P. 56–61.

Поступила в редакцию 10.10.2023

Егоров Владимир Борисович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник
Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук
(ФИЦ ИУ РАН), Институт проблем информатики (ИПИ РАН)
119333, Россия, г. Москва, ул. Вавилова, 44 (корп. 2)
E-mail: VEgorov@ipiran.ru

V.B. Egorov

ETHNIC DUALISM OF THE RUS' IN THE TREATY WITH THE GREEKS (911)

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-270-280

The Rus'—Byzantine treaty (911) has been studied from various angles; this article addresses the linguistic aspect of the treaty that has been ignored by researchers. The article highlights some difficulties with the interpretation of two specific elements of the Rus' representatives' names list in the treaty's preamble and suggests a different reading of the list, with signatories' names divided into two groups. Such a separation, together with manifestations of confessional duality of the Rus' in the treaty's eschatocole and other indirect evidences in the text and associated comments, supposes ethnic dualism of the Rus' concluded the treaty.

Keywords: Azov-Black Sea Rus', Crimean Gothia, Rus'—Byzantine treaty (911), Rus' and Chud'.

REFERENCES

1. Bibikov M.V. Rus' v vizantiyskoy diplomatii: dogovory Rusi s grekami X v. [The Rus' in Byzantine diplomacy: Treaties of the Rus' with the Greeks of the X c.] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Issues of medieval studies], 2005, no. 1 (19), pp. 5-15. (In Russian).
2. Galkina E.S. Morskie pokhody rusov i obraz oykumeny v trudakh al-Mas'udi [Sea voyages of the Rus and the Oikumenic image in the writings of Al-Mas'udi] // Vestnik RUDN. Istoriya Rossii [Bulletin of RUDN. History of Russia], 2011, no. 3, pp. 101-109. (In Russian).
3. Gilyom de Rubruk. Puteshestvie v Vostochnye strany [Travel to Eastern countries]. Translated by A. I. Malein. Gos. izd-vo geograficheskoy literatury [State Publ. House of Geographical Literature, 1957, 195 p. (In Russian).
4. Golb N., Pritsak O. Khazarsko-evreyskie dokumenty X veka [Khazar-Jewish documents of the X century]. Edited by V.Y. Petrukhin; translated by V.L. Vikhnovich. Mosty kul'tury, 2003. P. 128-149. (In Russian).

5. Goryachev V.A. Velikoknyazheskaya vlast' v dogovorakh russkikh s grekami X veka [The Grand-Princely power in the treaties of the Russians with the Greeks of the X century] // *Imperskoe vozrozhdenie* [Imperial Revival], 2008, no. 6 (20), pp. 54-62. (In Russian).
6. Egorov V.B. O roli perevodchika v nazvanii dneprovskikh porogov u Konstantina Bagryanorodnogo [The role of the translator in the Dnieper rapids' naming by Konstantine Porphyrogenitus] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology], 2023, vol. 33, no. 6, pp. 12271-233. (In Russian).
7. Ibn Rusta. *Izvestiya o khozarakh, burtasakh, bolgarakh, madyarakh, slavyanakh i russakh*. Translated by D. A. Khvol'son. Tip. Imperatorskoy akademii nauk [Printing House of the Imperial Academy of Sciences], 1869. 200 c. (In Russian).
8. *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [History of the USSR from ancient ages to the end of the XVIII c.] (Edited by B. . Rybakov.) Ed. 2. Vysshaya shkola], 1983, 415 p. (In Russian).
9. Istrin V.A. Dogovory russkikh s grekami X veka [The treaties of the Russians with the Greeks of the X century] // *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Department of Russian language and literature of the Russian Academy of sciences.], 1924, vol. XXIX, pp. 383-393. (In Russian).
10. Konstantin Bagryanorodnyy. *Ob upravlenii imperiey (tekst, perevod, kommentariy)* [About the management of the empire (text, translation, comments)]. (Edited by G.G. Litavrin and A.P. Novosel'tsev.) Ed. 2. Nauka, 1991, 496 p. (In Russian).
11. Levchenko M.V. Russko-vizantiyskie dogovory 907 i 911 gg. [The Russian-Byzantine treaties (907) and (911)] // *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle], 1952, vol. V (30), pp. 105-126. (In Russian).
12. Malingudi Y. Russko-vizantiyskie dogovory v X v. v svete diplomatiki [Russian-Byzantine treaties in the X c. in the light of diplomacy]. (Translated from German by D.A. Korobeynikov) // *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle], 1997, vol. 57 (82), pp. 58-87. (In Russian).
13. Mel'nikova E.A. Neskol'ko zamechaniy o yazyke "skazaniya o prizvanii varyagov" [Some remarks about the language of the "Tale of vocation of the Varangians"] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Russia. Issues of medieval studies], 2019, no. 1, pp. 83-87. (In Russian).
14. Mühle E.K. *Voprosu o nachale Kiev* [To the issue of the beginning of Kiev] // *Voprosy istorii* [History issues], 1989, no. 4, pp. 118-127. (In Russian).
15. Nikitin A.L. *Osnovaniya russkoy istorii. "Povest' vremennykh let" kak istoricheskiy istochnik* [The foundations of Russian history. "The Tale of Bygone Years" as a historical source]. Agraf, 2001, 768 p. (In Russian).
16. Novosel'tsev A.P. *Vostochnye istochniki o vostochnykh slavyanakh i Rusi VI–IX vv.* [Eastern sources about the Eastern Slavs and Russia of the VI–IX cc.]. In: Novosel'tsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V., Shusharin V. P., Shchapov Y.N. *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie*, Nauka, 1965, 476 p. (In Russian).
17. *Povest' vremennykh let. Ch. I. Tekst i perevod.* [Tale of Bygone Years. P. Text and translation]. (Prepared by D.S. Likhachev; translated by D.S. Likhachev, and B A. Romanov, edited by V.P. Adrianova-Peretz). *Akademiya nauk SSSR* [The Academy of Sciences of the USSR], 1950, 405 p. (In Old Russian and Russian).
18. *Povest' vremennykh let. Otkuda est' poshla Russkaya zemlya* [Tale of Bygone Years. Where did the Russian land come from?]. (Comp., notes and ind. by A.G. Kuz'min, V.V. Fomin). *Institut russkoy tsivilizatsii. Rodnaya strana* [Institute of Russian Civilization. Native country], 2014, 544 p. (In Russian).
19. *PSRL, v. 1* [The Complete collection of Russian Chronicles]. Publ. of Archaeographic Commission, 1846, 269 p. (In Old Russian).
20. *PSRL, v. 2* [The Complete collection of Russian Chronicles]. Publ. of Archaeographic Commission, 1908, 638 p. (In Old Russian).
21. Sakharov A.N. *Diplomatiya Drevney Rusi: IX – pervaya polovina X v.* [Diplomacy of Ancient Russia: IX – the 1st half of the X c.]. Mysl', 1980, 358 p. (In Russian).
22. Tolochko A.P. *Ocherki nachal'noy rusi* [Essays of the initial Rus']. Laurus, 2015. 336 p. (In Russian).
23. Khainman I. *Evreyskaya diaspora i Rus'* [The Jewish diaspora and the Rus']. Jerusalem, 1983, 92 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003142104> (accessed 9 January 2024); URL: <https://amkob113.ru/irma/irm-7.html> (accessed 9 January 2024). (In Russian).
24. Zukerman K. *Dva etapa formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva* [Two stages of the formation of the Ancient Russian state]. *Slavyanovedenie*, 2001, no. 4, pp. 55-77. (In Russian).
25. Erben J.K. *Ob'yasnenie i ispravlenie nekotorykh temnykh i isporchennykh mest drevneyshey russkoy letopisi* [Explanation and correction of some dark and spoiled points of the oldest Russian chronicle]. *Notes of the Imp. academy of sciences*, vol. XVI, book II, 1870, pp. 117-130. (In Russian).
26. Callmer J. *The archaeology of Kiev to the end of the earliest urban phase.* *Harvard Ukrainian studies*, 1987, no. 11, pp. 323–364. (In English).
27. *Geographus Bavarus. Text der handschrift.* URL: <http://www.idrisi.narod.ru/geo-bavar.htm> (accessed 9 January 2024). (In Latin).
28. Köbler G. *Gotisches Wörterbuch* (4. Auflage), 2014. URL: <https://www.koeblergerhard.de/gotwbhin.html> (accessed 9 January 2024). (In German).

29. Mezentzew W. The emergence of the Podil and the genesis of the city of Kiev: Problems of dating. Harvard Ukrainian studies, 1986, no. 10, pp. 56-61. (In English).

Received 10.10.2023

Egorov V.B., Candidate of Technology, Leading Scientific Researcher
Federal Research Center "Informatics and Control" of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Informatics Problems
Vavilova st., 34/2, Moscow, Russia, 119333
E-mail: VEgorov@ipiran.ru